

Тара ДевиТТ

Любовь ПОД КЛЮЧ

INSPIRIA

Москва

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44
Д25

Tarah DeWitt

THE CO-OP

Copyright © Tarah DeWitt, 2022
First published in the United States by St. Martin's Griffin, an imprint
of St. Martin's Publishing Group.
Translation rights arranged by Sandra Dijkstra Literary Agency

Школа перевода
В. Баканова

Перевод с английского *Инессы Метлицкой*

Иллюстрация на обложке *Катерины Килланиц*

Художественное оформление *Анастасии Зининой*

Во внутреннем оформлении использована иллюстрация:
© arum widyaningsih / Shutterstock.com / FOTODOM
Используется по лицензии от Shutterstock.com / FOTODOM

Девитт, Тара.

Д25 Любовь под ключ / Тара Девитт ; [перевод с английского
И. Метлицкой]. — Москва : Эксмо, 2025. — 416 с.

ISBN 978-5-04-210893-8

Ларинн и Дикон думали, что их короткий роман в прошлом, но судьба решила иначе, сделав героев владельцами неожиданного наследства — ветхого здания в Санта-Крузе.

Для его восстановления герои вынуждены объединить усилия: у Ларинн есть деньги, у Дикона — навыки строительства. Но есть условия: фиктивный брак, ремонт, общая прибыль... и никакой любви.

Так под одной крышей рушатся не только стены, но и эмоциональные барьеры. Смогут ли Ларинн и Дикон превратить временный союз в нечто большее?

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-210893-8

© Метлицкая И., перевод на русский язык, 2025
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2025

Посвящается тем, кто все еще работает над чем бы то ни было, включая поиск своего пути или обретение себя... Не сдавайтесь! Вы достойны любых вложенных усилий.

А еще посвящаю эту книгу Таю. Спасибо за то, что любил эту девушку с тех пор, как она была сердитым подростком, и на всех этапах жизни.

Этот роман — художественное произведение. Все описанные в нем персонажи, организации и события являются либо плодом воображения автора, либо вымышленными.

ПРИМЕЧАНИЕ АВТОРА
И ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ
О СОДЕРЖАНИИ

Я начала писать эту книгу вскоре после того, как приступила к созданию своего дебютного романа, а в итоге отложила ее в сторону просто потому, что не знала, хватит ли у меня таланта осуществить задуманное.

Я попыталась взяться за нее снова после того, как вышла книга «Связанный корнями», но тогда срочно потребовалось написать роман «Все сложно», хотя у меня уже было готово около тридцати тысяч слов. Понятно, что потом, когда дело наконец дошло до «Любви под ключ», меня одолевали сомнения и даже зародилась мысль, что, возможно, эта книга просто проклята. Уже в середине работы над ней у меня возникло еще две идеи, из-за которых я чуть было вновь не отказалась от этого проекта...

Мне пришло в голову, что сюжет, рассказывающий о ремонте дома и людях, вынужденных там жить и пытающихся нормально общаться, будет не слишком увлекательным для читателей. Кроме того, изначально я подумывала написать эту книгу, используя двойную хронологию, но после того, как я применила этот прием в романе «Все сложно», стало ясно, что не получится. Когда мои книги раскупили и появилась

возможность продолжить работу над «Любовью под ключ», пришлось полностью переписать уже готовый на тот момент текст, из-за чего я опять погрузилась в пучину неуверенности в себе.

Но... потом я вдруг осознала, что в этом-то и есть смысл. Переработка книги стала в некотором смысле почти мета-осознанной и терапевтической, учитывая, как много требовалось изменить и переделать. Я жила прямо там, внутри романа, вместе с Диконом и Ларинн, и переживала собственное обновление.

Наверное, когда-нибудь на протяжении моей писательской карьеры (которая, надеюсь, будет очень долгой) мне надоест повторять, что это самая любимая книга из всех написанных мною, но пока это так.

Я искренне верю, что все трудности были не напрасными и эта история получилась именно такой, какой и должна быть.

Что касается содержания книги, должна предупредить, что в ней присутствуют следующие моменты:

- родители бросают своих детей;
- проявление эмоционального насилия со стороны родителя;
- откровенные сексуальные сцены;
- нецензурные выражения;
- смерть члена семьи (упоминается, происходит за пределами книги);
- супружеская неверность (совершена второстепенным персонажем, происходит за пределами книги).

Хочется отметить, что в данной книге много секса. Герои осваивают секс в юности, в возрасте девятнадцати-двадцати лет. Они откровенно говорят о сексе, и (о ужас!) у них его предостаточно. Если вам неприятно, что персонажи моложе двадцати пяти лет занимаются сексом, то немедленно прекратите чтение.

Пролог

В КАКУЮ-ТО СРЕДУ В МАЕ

ЛАРИНН

У всех унижительных моментов моей жизни есть саундтрек.

В девятом классе, на самых первых школьных танцах, я выбежала из женского туалета, поправляя прическу и лавируя между возбужденными, пышущими гормонами телами, чтобы не пропустить *свою песню*. Из акустической системы спортзала на всю мощь разносился голос Рианны, которая пела о том, как найти любовь в невозможном месте, — чересчур прямолинейно, если хотите знать мое мнение. Я торопливо протиснулась сквозь толпу к воображаемому пятну света от прожектора и самозабвенно закачалась в ритме танца, взметнув вверх украшенную браслетиком из цветов руку... и не заметив, что край моего платья заправлен в стринги.

А еще как-то раз во время второго семестра в колледже я занималась в библиотеке и одновременно слушала довольно пикантную книгу. В конце концов стало ясно, что ее содержание не способствует успешной учебе, и я переключилась на свой плейлист. Группа «311» как раз напевала, что «моя энергия цвета янтаря», когда я заметила пристальные взгляды окружающих.

Оказалось, что, включив музыку на телефоне, я отключилась от планшета, который продолжил воспроизводить книгу, причем вслух. Чтец, скажем так, был чрезвычайно талантлив и читал весьма выразительно и с прекрасной интонацией.

Однако самым неприятным для меня остается одно воспоминание, которое приходится подавлять чаще всех остальных. Это случилось за несколько лет до инцидента с эротическим чтивом.

Сначала в моем сознании всплывает разгневанное, покрасневшее лицо отца, а затем размытое изображение того, как я прижимаю к обнаженной груди мужскую рубашку. В тот раз, несмотря на вой сирены вдалеке и громкую ругань отца, музыкальным сопровождением моего позора стала песня «Растворяюсь в тебе»¹, которая играла по кругу, и я вздрагивала каждый раз, когда она начиналась заново. Скорее всего, я нечаянно задела приборную панель, когда Дикон тащил меня к себе на колени через переднее сиденье. Или он сам случайно нажал на кнопку повтора, пытаясь меня раздеть. Думаю, мы чересчур увлеклись, чтобы обращать внимание на подобные мелочи.

«Это был просто секс, Ларинн», — вот что сказал мне Дикон перед тем, как мой папаша начал колотить в окно машины. Помню, как несколько минут спустя, когда мы стояли в обвиняющем свете фар внедорожника, я повернулась к Дикону в поисках какого-то спасительного знака... хотя бы намек на то, что я неправильно поняла его слова или ослышалась. Благоухающая летняя ночь вдруг стала холодной, когда он не ответил на мой взгляд, а по застывшему профилю было ясно, что извинений не последует.

*LaRynn Cecelia Lavigne, mets ton cul dans la voiture!*² — заорал папочка, фактически положив конец той ночи и тому судьбо-

---

¹ *Fade into You* — сингл американской дрим-поп-группы *Mazzy Star*, вышедший в 1994 г. (*Здесь и далее — прим. перев.*)

² «Ларинн Сесилия Лавинь, тащи свою задницу в машину!» (*фр.*)

носному лету. Ну да, мне только и оставалось, что затащить свою задницу в машину.

Я фыркнула, накинула Диконову рубашку и пошла к отцовскому «Мерседесу», надеясь больше никогда не видеть Дикона Лидса и ничего о нем не слышать. Тогда я в последний раз призналась кому-то в любви, да еще под аккомпанемент той гребаной песни.

Мой мозг решил воспроизвести все эти воспоминания именно сейчас, когда спустя десять лет я иду по церковному проходу к Дикону Лидсу. Наши взгляды встречаются, и он хмурится, недовольно переминаясь с ноги на ногу. Небритый подбородок подергивается, и Дикон слишком резко взъерошивает татуированной рукой свои каштановые волосы, отчего они встают дыбом. Бросив взгляд на разрез моего черного платья, он грустнеет еще больше. *Прекрасно*. От неизбежной жары меня тоже охватывает тоска. Впрочем, приятно сознавать, что Дикон, как и я, далеко не в восторге от нашего соглашения. По крайней мере, в этот раз наши чувства, пусть и не самые приятные, взаимны. Я довольно улыбаюсь, глядя, как вздрагивает его шея, между темными бровями появляется морщина, а на самодовольном, неправдоподобно красивом лице проступает румянец. Пусть я, возможно, разрушила свою жизнь и в конечном итоге оказалась в нынешнем положении, но на этот раз все будет по-другому. Хотя меня все еще тянет к Дикону, я не приму простое влечение за более глубокие чувства и благополучно выйду из всей этой ситуации полностью независимой, и вдобавок улучшу свое финансовое и эмоциональное состояние.

Ирония судьбы в том, что сейчас играет свадебный марш.

1

НЕДЕЛЕЙ РАНЬШЕ

ЛАРИНН

Всякий раз, когда кто-то упоминает о путешествии в прошлое, я представляю себе Шоссе 17. Тем, кто застрял на Шоссе 17, нет пощады. Две пугающе узкие полосы, а еще многочисленные, безбожно петляющие и то поднимающиеся, то резко ухающие вниз повороты. Если оказаться на нем, развернуться уже не выйдет, и целую вечность будешь искать безопасную обочину, куда можно съехать. Не важно, сколько раз я ездила в Санта-Круз, этот участок дороги, обрамленный секвойями, всегда кажется длиннее предыдущего, а воспоминания о нем остаются такими же удручающими.

От одной мысли о предстоящем пути меня охватывает тошнота. Сворачиваю на единственную на многие мили ресторанный парковку, останавливаюсь и, распахнув дверцу, тут же блюю. Закончив, смеюсь невеселым смехом. Кое-что навсегда остается прежним, даже если все остальное поменялось. Меня много раз тошнило на этой самой парковке, хотя ресторан уже трижды менял владельцев за двадцать или около того лет, что я езжу по этой дороге.

Жадно вдыхаю свежий воздух и мелкими глотками пью воду, пытаюсь прийти в себя. Худший участок пути я уже

преодолела, но ехать еще долго, и поездка обещает быть не менее изматывающей. В конце концов я сдаюсь и звоню Элис, своей лучшей (единственной!) подруге и робко прошу меня подвезти. Не хочу блевануть прямо за рулем, тем более я планирую продать машину поскорее и подороже.

Усаживаюсь на невысокий бетонный бордюр, прижимаю лоб к сложенным на коленях рукам и сосредоточиваюсь на ритме дыхания и прохладном ветерке, который развеивает мои волосы. Вдыхаю через нос, выдыхаю через рот и ничего не могу поделаться с нахлынувшими воспоминаниями, хотя изо всех сил пытаюсь их обуздать.

В последний раз мне пришлось сделать здесь остановку год и четыре месяца назад, а значит, столько же времени прошло с тех пор, как я навещала свою бабушку и забирала ее прах. Ее смерть стала первой костяшкой домино в цепи событий, перевернувших мою жизнь.

«Преврати его во что-нибудь другое», — слышу я в голове бабушкин голос, воспоминание из моих ранних подростковых лет. Представляю ее гончарный круг и неряшливую горку глины, из которой я пытаюсь слепить нечто похожее на вазу. Испытываю такое же чувство злости и разочарования, как в тот миг, когда я пыталась закончить свое творение и все испортила. Бабушка услышала мой сердитый возглас и с тихим смешком заглянула мне через плечо: «Не пытайся подогнать это под нарисованный в голове образ. Пусть твое изделие будет несовершенным, *ma fille*¹. Преврати его во что-нибудь другое. Даже если получилось не так, как ты задумала, это вовсе не означает, что оно получилось плохим».

Что же касается моего жизненного выбора, боюсь, после бабушкиной смерти я чересчур увлеклась этой метафорой. Наверное, надо было оставаться творцом и самой создавать вещи; я же чувствую себя кучей глины, высохшей, бесформенной и ни на что не годной.

---

¹ Моя девочка (*фр.*).

От этой мрачной мысли путешествие по закоулкам памяти делает очередной поворот. Ветерок стихает, и солнце настойчиво припекает мне шею, напоминая, что вот уже семь лет я не проводила лето в Санта-Крузе, хотя бывала здесь много раз. Мои мысли крутятся так, словно они застряли в колесе и постоянно возвращаются в одно и то же время.

«*Merde*¹, Ларинн, ты ведь почти взрослая! Пора бы перерасти эту... эту автомобильную болезнь!» — проорал мой отец в открытую дверь, припарковавшись на этой самой стоянке. Легкий французский акцент придавал мелодичность бабушкиному голосу, но в словах отца он только усилил недовольство. И дело было даже не в том, что я не могла справиться с тошнотой. Ни таблетки от укачивания, ни массаж всех болевых точек мира не смогли бы справиться с удушающим напряжением, которое царило в тот день в нашей машине. Мама с тоской выглядывала из окна, прижимаясь к нему всем телом, словно желала оказаться где-нибудь в другом месте, отец же несколько раз пытался завязать разговор, а потом сокрушенно качал головой, когда его попытки не встречали ни малейшего энтузиазма.

Мои родители, которые терпеть не могли друг друга и большую часть времени проводили в своих обидах — пока их взаимная неприязнь не заняла основное место в нашей жизни, — каждое лето путешествовали, а меня (с тех пор, как мне исполнилось восемь, и до девятнадцати) оставляли с бабушкой. Иногда я навещала ее и в другое время года, например на зимних каникулах, но лето всегда было для меня чем-то особенным. А еще летние месяцы помогали восстановиться моим родителям вплоть до последнего года. Обычно они оставляли меня бабушке в один из майских выходных, когда заканчивался учебный год, а забирали перед самым его началом, в День труда или чуть раньше. Как правило,

---

¹ Черт (*фр.*).

до Хэллоуина родителям казалось, что все почти наладилось. Несколько лет мы даже праздновали Рождество.

До последнего лета Санта-Круз был для меня больше чем родным домом, там жил мой самый близкий человек. Бабушка Сесилия, с ее мягким голосом, едким сарказмом и неукротимым свободолобием. А потом, когда мне было двенадцать, она познакомилась с Хеленой, и я обрела вторую любимую бабушку.

Ужасно, что одно лето, похоже, затмевает для меня многие другие, ведь именно оно все изменило, а я и не сопротивлялась. Бесит, что мысли постоянно возвращаются к той череде месяцев. Я потратила годы, убеждая себя, что все казалось таким жизненно важным исключительно в силу моего возраста, и пытаюсь оправдать свои поступки и чувства. В девятнадцать я чувствовала себя гораздо значительнее, чем была на самом деле, и куда более незащищенной. Я пылала огнем, словно стала еще больше собой из-за мимолетности происходящего. Будто бы знала, что остаток жизни до колледжа буду ходить по краю пропасти, и планы вселенной на меня все равно победят.

А злюсь я потому, что, может, все это и правда, но сама история на редкость банальна, поскольку семь лет назад я потеряла голову (и свою гордость, не говоря уже о прочем) из-за парня.

— Твоя способность укачиваться в машине, когда ты сама за рулем, впечатляет.

Поднимаю голову от колен и, прищурившись, гляжу на Элис.

— Спасибо тебе, — говорю я ей, моей летней подруге с десятилетнего возраста.

Элис смотрит на меня сверху вниз и лучезарно улыбается, совсем как в тот самый первый день, когда она подошла ко мне на пляже, сказала, что ей понравились мои сандалии, спросила, не хочу ли я собирать с ней ракушки, и навсегда стала моим другом.